

Celto-Slavica 2.

Т.А. Михайлова, Е.А. Парина

С 14 по 17 сентября 2006 года в Москве проходила организованная филологическим факультетом МГУ и Институтом языкознания РАН конференция общества *Celto-Slavica*, Кельто-Славика 2. В работе конференции приняли участие ученые из Ирландии и Германии, Швеции и США, а также их российские коллеги. Представленные доклады можно разделить на две основные группы: для одних в центре внимания были история и/или мифология кельтских народов, для других – их язык. Наш обзор посвящен второй группе сообщений.

Первым докладчиком на конференции стал Ф.Юсефсон (Гетеборг, Швеция), обратившийся к проблеме функций древнеирландских префиксов *com-*, *ad-*, *ro-* и их параллелям в славянских языках. В древнеирландском языке при глаголе было возможно употребление множества префиксов, которые, как и в русском языке, меняли значение глагола. Однако некоторые префиксы, не изменяя глагольной семантики, меняли собственно вид и наклонение глагольной формы, сообщая ей значение потенциальной возможности, либо – результативности или перфектности. Например: *gabaid* ‘берет’, *gabais* ‘брал, взял’, *ro-gab* ‘взял’. Аугментная частица *ro* (из и.е. **pro-*) координирует действия во времени по отношению друг к другу и тем самым создает не только оппозицию : претерит – перфект, но и оппозицию : перфект – плюсквамперфект (отметим, что древнеирландский претерит также несет в себе идею завершеного действия). Эта приставка может сочетаться и с презентными основами, и основами субъюнктива, сообщая дополнительный смысловой нюанс: действие могло или может быть совершено. Аналогичные функции могут исполнять и другие частицы – *co(m)*, *ad*. По мнению докладчика, аналогичные аспектуальные функции исполнял и лат. префикс *pro-* (как и хеттск. клитика *-kan*). Эта же частица *pro-*, как показал Ф.Юсефсон, исполняет те же функции и в славянском глаголе, сообщая ему не только дополнительный смысл (завершения действия), но и меняя видо-временную систему в целом. В то же время, как отметил докладчик, указанные префиксы привносят в семантику глагольной основы особые смысловые нюансы, эквивалентные уже не

столько глагольным, сколько именным категориям, а именно – аллатива (направление в заданную точку) и аддесива (пребывание возле чего-л.).

Вторым докладчиком был чл.-корр. РАН В.А.Дыбо, предложивший собственную концепцию развития индоевропейских слоговых плавных и носовых в итало-кельтских языках. Традиционная концепция Х.Педрерсена о двух рядах развития и.е. слоговых сонантов (*ra, la ... ~ ar, al...*) в последние годы была частично оспорена, в основном в работах К.Шмидта и К.МакКона, которые отрицали закономерность развития второго ряда слогов, не видя достаточной регулярности в их образовании и, более того, подвергая сомнению и саму очевидность соответствующих этимонов. В.А.Дыбо отметил, что *ar, al* появляются в позициях, соответствующих балто-славянской и, вероятно, индоевропейской подвижной акцентной парадигмы, т.е. в корнях, которые в большем числе словоформ должны были характеризоваться нисходящим движением тона. Рефлексы типа *rā, lā*, напротив, отражали резко восходящий характер акцента, давшего в балто-славянском доминантный акут.

После него с кратким сообщением выступила Ю.В.Норманская, рассказавшая об особенностях цветовой гаммы в островных кельтских языках. В отличие от распространенной у других и.е. народов так наз. «желто-зеленой» гаммы (при которой часто обозначения *желтого* и *зеленого* тона восходят к одной основе с разными огласовками), ирландцы и валлийцы (по данным языка) объединяют на уровне цветового восприятия и наивного членения спектра – *синий* и *зеленый*. По ее предположению, такая аномальная система явилась результатом калькирования данными языками на раннем этапе развития соответствующей цветовой системы до-индоевропейского населения Британских островов. В качестве возможной кандидатуры Ю.Норманская предложила финно-угорскую цветовую систему. Этот доклад нашел затем свое продолжение в докладе В.Напольских, который состоялся на следующий день, и также затронул важную и «больную» для кельтологии тему – предположительную этническую атрибуцию до-кельтского населения Ирландии и Британии.

После небольшого перерыва пленарное заседание продолжило свою работу. Согласно плану организаторов конференции, вся вторая часть вечернего заседания должна была быть посвящена проблеме перфекта в кельтских языках и их возможным параллелям с языками славянскими. Поэтому мы включили в

программу три доклада, в названиях которых стояло само слово «перфект». Однако в ходе слушания докладов стало ясно, что сам подход к понятию «перфект» у разных исследователей различается в зависимости от того диахронный или синхронный подход господствует в их работе. Так, Н. О'Шей, отчасти продолжая идею Ф.Юсефсона, явно понимала перфект как краткое действие, свершившееся в прошлом. Не случайно в своем исследовании собственно фонологических процессов, приведших к образованию форм, традиционно называемых перфектными в древнеирландском, она опиралась на классический труд К.Уоткинса о сигматическом аористе. Особенно интересными в ее докладе была теория о форманте *-s-*, видимо, изначально имеющем дейктические функции, но затем вводимом в глагольную основу для маркировки именно прошедшего времени (усл. – «петь-вот»).

Доклады А. О'Корраня (Университет Ольстера) и В.Байды (аспиранта филологического факультета МГУ) были посвящены анализу перфекта скорее как результата. Так, в современных островных кельтских языках существует только аналитический перфект, причем развивается он по двум основным линиям. Первая восходит к формам пассива, причем при отсутствии глагола «иметь» в кельтском так наз. «посессивный перфект» оформляется как «есть X сделанное у У». Второй путь – образование так называемых «после перфектов»: «есть У после делания X» (по этой модели образуются перфекты в шотландском, в донегольском диалекте ирландского и в валлийском). Интересным показалось наблюдение В.Байды о том, что в современном русском языке аналогичную функцию могут выполнять синтаксические конструкции типа: *Я был после ванны* (с выраженной предикативностью существительного, выражающего скорее процесс).

Оба доклада об аналитическом кельтском перфекте вызвали оживленную дискуссию; тема явно ждет своего продолжения.

На следующий день, 15 сентября, заседания проходили также в Институте языкознания и органично распределились по двум основным секциям: «лингвистика» и «мифология и история».

Изначально, когда работа по организации конференции только начиналась, оргкомитет ее возглавлял С.А.Старостин, готовивший большое итоговое выступление, посвященное проблеме места кельтских языков в индоевропейской семье по данным глоттохронологии. К сожалению, 30

сентября 2005 г. его не стало. Но его идеи нашли свое продолжение в работе конференции. Утреннее заседание было посвящено его памяти, а его идеи были подтверждены скрупулезнейшим исследованием чешского лингвиста В.Блажека, который сравнил не только данные островных кельтских языков, но и фрагментарный материал языков континентальных (в основном – галльских диалектов) пришел к тем же выводам и тем же датам: время распада кельтской семьи датируется им 1100 г. до н.э. (по неопубликованным расчетам С.Старостина – 1150 г.). Эта же тема была продолжена в докладе Е.Париной (Институт языкознания). В нем отмечалось, что стословный список (а вернее, 110-словный, поскольку именно такое число входов имеет так называемый стословный список в стандартной компаративистской процедуре в системе Starling, составленной С.А. Старостиным), имеет несколько возможных применений – с одной стороны, для вопросов глоттохронологии важно найти в языке множество лексем со значением, приблизительно соответствующим английским словом-стимулом из списка, с другой стороны, с точки зрения исторической семантики в каждом языке в конкретный период его развития интересно найти основное слово для каждого слова-стимула. Попытке составить такой список для современного валлийского языка на основании опроса информантов и анализа словарей и был посвящен доклад Е.Париной.

Бриттским языкам был посвящен также доклад П.Иосада (МГУ). В нем была рассмотрена актуальная в современной кельтологии проблема так называемой второй бриттской лениции – возникновения глухих спирантов. Рассмотрев аргументы предшественников, докладчик, работающий в рамках теории оптимальности и привлекая широкий материал других языков для основания вероятности или невероятности постулируемых фонетических процессов, показал важность фактора просодии в объяснении происхождения глухих спирантов в бриттских языках.

Доклады К.Красухина (Институт Языкознания РАН), М.Живлова (РГГУ) и Р.Матасовича (Загреб) были посвящены этимологии отдельных кельтских лексем или лексических полей. К.Красухин представил свои комментарии к готовившемуся им к печати и появившемуся со времени проведения конференции изданию «Словаря кельтских теонимов» покойного В.П.Калыгина, одного из основателей общества *Celto-Slavica*. М. Живлов обосновал предложенную еще ? этимологию общекельтской основы **dago-* ‘хороший’ как

метатезы и.-е. $*g^h e h_2 d^h$ -, к которой восходят также прагерманское $*gōda$ - ‘хороший’, а также праславянское $*godъ$ ‘время, год’, приведя многочисленные надежные примеры метатезы, засвидетельствованные в других индоевропейских языках. Р.Матазович провел этимологический анализ лексем, обозначающих в кельтских языках ‘солнце’ и ‘луну’, что дало ему возможность сделать некоторые выводы об отношении древних кельтов к небесным светилам.

В докладе Н.Пиленовой (МГУ) была сделана попытка показать общность происхождения рунического и огамического алфавитов. Данное предположение для кельтологов выглядит достаточно смело, т.к. традиционно считается, что огамическое письмо возникло уже в Ирландии, причем примерно во 2 или 3-м вв. н.э., т.е. при условиях, когда контакты с германскими племенами были сведены к минимуму. Однако проведенное докладчицей сопоставление традиционного членения на группы знаков огамического алфавита и футарка выглядит чрезвычайно убедительным. Принятие гипотезы Н.Пиленовой, естественно, отодвигает дату изобретения огама на несколько столетий, что в принципе не кажется невозможным. Местом возникновения огама в таком случае должны быть прирейнские области, главная зона кельто-германских контактов. В таком случае, однако, представляется странным, что ничего подобного огамическим знакам не встречается в галльской эпиграфике.

В докладе А.Мурадовой (Институт Языкознания) была рассмотрена система цветообозначений в бретонском языке, на широком фольклорном материале показаны коннотации основных цветов, среди которых особую роль играет красный. Привлечение данных других кельтских языков позволило рассмотреть связь красного цвета и фигуры отца, правителя.

Сообщение В. Напольских (Ижевск) было посвящено протосаамам, в языке которых наблюдается множество лексем, не имеющих надежных уральских этимологий, а также не идентифицирующихся как заимствования из индоевропейских языков, с которыми протосаамский контактировал. Характер этой лексики позволяет с уверенностью предположить, что она восходит к досаамскому субстрату. Рассмотрев раннюю археологическую историю Европы, докладчик осторожно предположил, что тот же субстрат можно постулировать и для Британских островов. Проблеме субстрата также был посвящен доклад М.Зеликова (Санкт-Петербург), который предлагает видеть во многих

лексически и синтаксических особенностях кельтиберского, а также других континентальных языков влияние баскского субстрата.

Проблемам языковых контактов, хотя и другого периода, была посвящена и презентация проф. Хильдегард Тристрам (Фрайбург, Германия), которая представила собравшимся завершившийся проект *Celtic Englishes*. По ее замечанию, тема взаимного влияния английского и кельтского языков лишь в последнее время стала получать достаточное внимание исследователей, при этом преимущественно не на Британских островах, а в Европе. Под руководством в Потсдаме было проведено четыре конференции, посвященные особенностям английского языка, возникшим, предположительно, в результате контактов его с кельтскими языками, а также особенностям современных кельтских языков, вызванным продолжительным влиянием английского языка.